

Эта история приснилась мне. Конечно, не целиком, только самые яркие моменты. Остальное я реконструировал, а имена героев и названия городов изменил. Но в целом это остался сон. Просто некая знаковая система, расшифровывать которую можно по-разному.

Предупреждаю — сон был кошмарный.

ФРОНТИР (англ. frontier): 1) граница, 2) граница продвижения поселенцев в США

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПИЛОГ. В ЗДРАВОВОМ УМЕ

Хаммер подъехал к Москве с калужского направления в ясный летний полдень. Машина у него была — черный «Хаммер» с тульскими номерами, из-за которого он, собственно, и заработал свое нынешнее имя. Черт знает какое по счету и как всегда далекое от истинного.

Одет он был словно из салона «Мальборо Классик»: брюки, куртка, сапоги — сплошь кожа и немного замши, добротные и удобные вещи. Он подозревал, что это не совсем его стиль, но сама одежда ему нравилась. Получился удачный образ: Хаммер ни на кого не смахивал, всюду и для всех он оказывался человеком совершенно не местным. Поэтому его никто еще не принял по ошибке за родственника или знакомого. Узнать Хаммера мог лишь тот, кто вспомнил бы его лицо. Или настоящее имя.

С транспортом тоже повезло. Продукт американской конвейерной жрал солярку галлонами, да и трансмиссия у него оказалась не для чайников. В серьезной грязи на этом танке можно было и утонуть с непривычки. Зато способность машины расталкивать дорожные заторы пришлась весьма к месту. Легковушки просто улетали в кювет, а грузовики он осторожно сдвигал ровно на столько, чтобы просочиться дальше.

Наконец, при случае можно было обменять диковинный экипаж на что-нибудь полезное. Разбойного нападения с целью захвата машины опасаться не приходилось. Те немногие, кого он встретил на своем пути в Москву, были озабочены совсем другим. Барахло теперь ничего не стоило, тряпок и железа хватало на всех. А самое ценное — информацию — любой раздавал охотно и бесплатно. В надежде услышать хоть что-то дельное взамен...

Он подкатил к мосту Кольцевой дороги, под который нырнула калужская трасса, и убрал ногу с педали газа. Впереди была застава. Первая серьезная застава за всю дорогу. Блокпост. Хаммер выключил музыку и опустил дверное стекло.

— Узнаю земляков... — пробормотал он с невеселой ухмылкой.

Под мостом расположилась монументальная баррикада из железобетонных строительных конструкций. Узкий проход справа затыкал ни больше ни меньше настоящий «Т-80». А наверху, на мосту, стояла зенитная установка «Шилка», и ее четыре ствола таранились прямехонько новоприбывшему в лоб. Он посмотрел по сторонам в поисках живой силы, но таковой не обнаружил. И чуть влево от «Шилки» заметил массивную башню, подозрительно знакомую.

«Гаубица сто пятьдесят пять миллиметров, — пронеслось в голове. — Ничего особенного, видали и побольше. Самоходная база стандартная — СУ-100П... Интересно, как же эта штука называется? Забыл. Черт побери! А я ведь, наверное, в армии служил! И похоже, на самоходках. Ну и ну! Ай да я!»

Это открытие настолько его удивило, что он начал притормаживать с некоторым опозданием — до баррикады оставалось метров пятьдесят. И чуть не оглох, когда невидимый динамик проорал на всю округу:

— Стоя-а-ать!!!

Он резко осадил машину и, показывая свои мирные намерения, развернул ее к заставе левым бортом. Он приехал домой и собирался войти. Любым доступным ненасильственным способом.

— Ну, и кто тут у вас главный? — громко спросил он, высываясь в окно.

— Тебе что было сказано?! — рявкнул динамик. — Тебе же сказано было не появляться здесь больше! Мы же тебя застрелим к чертовой матери, козел!

— Ничего не знаю! — крикнул гость. — Ничего не помню!
И сам ты козел!

Динамик озадаченно умолк. Раздалось неразборчивое бурчание — видимо, у микрофона о чем-то спорили. Гость закурил и приготовился ждать.

— Ну-ка, скажи, как тебя зовут! — потребовал динамик уже нормальным голосом.

— Понятия не имею! — ответил гость.

— А приехал зачем?

— Да местный я! Москвич я был в прошлой жизни!

— Эй! Похоже, он проснулся! — крикнули из-за баррикады. — Может, вблизи посмотрим?

— Мужик, ты что, проснулся наконец? — спросил динамик.

— Да я уже месяц в порядке...

— Ну слава богу! Как же ты нас достал, мужик! Эй, ребята, идите, взгляните, что он за деятель такой. Ковбой несчастный...

— За ковбоя ответишь! — крикнул гость весело, открывая дверь и выпрыгивая из машины.

Через баррикаду ловко полезли молодые люди с автоматами, одетые в самые замысловатые комбинации уличного камуфляжа с джинсой и кожей.

Гость привычно сунул руку в салон и выволок наружу гладкоствольный охотничий карабин четвертого калибра.

Увидев оружие для стрельбы по низколетящим бегемотам, персонал заставы дружно спал с лица и посыпался обратно в укрытие.

— Пушку на землю!!! — заорал динамик. — Пушку на землю!!! Считаю до трех и огонь!!! Раз!..

Гость не спеша положил карабин на капот и на всякий случай поднял руки.

— Извините! — крикнул он. — Дурная привычка! Больше не буду!

— Ковбой... — прохрипел динамик. — Убили бы!

— Ну все, все! Да не буду я стрелять! Я домой хочу!

— Все домой хотят... Так как зовут тебя?

— Да понятия не имею! Сейчас вроде бы Хаммер. Но ты сам подумай — откуда у русского человека такая фамилия?

Из-под танка, непочтительно волоча за ремень тяжелую снайперку, выполз парень в черном берете набекрень.

— Я его знаю! — крикнул он наверх. — Это же Гош!

Поименованный так удивился, что даже руки опустил.

— Я что, и правда нерусский? — спросил он обалдело.

Над баррикадой появились заинтересованные физиономии.

— Да нет же! — рассмеялся «снайпер», подходя ближе и стягивая с головы берет. Винтовку он так под танком и бросил. — А меня ты не узнаешь?

— Да знаю я тебя отлично... Ты Рэдди. Игорь Родионов. Херсонская, дом один. Ой, блин...

— Ну!!! — обрадовался Родионов. — Ну, видишь! Слушай, Гош, ты Ленку мою не встречал, а?

— Погоди, погоди... — Гош привалился спиной к машине. — Вот так новости... Дай отдышаться хоть секунду. А что за Ленка?

— Да жена моя! Во! — Родионов продемонстрировал кольцо на пальце.

— Жена... — Гош зачем-то посмотрел на свою правую руку. — Знаешь, Рэдди, если честно, мы с тобой после школы ни разу не виделись.

— Обидно, — потупился Родионов.

— Извини. Скажи пожалуйста... Что это за имя такое — Гош?

— Да ты его сам выдумал. Чуть ли не в первом классе. Ты же Георгий. Забыл?

— Забыл, — признался Гош. Судя по выражению лица, он сейчас примерял вновь обретенное имя на себя и, похоже, оно ему не особенно нравилось.

— Бывает и хуже, — сочувственно кивнул Родионов. — Но реже.

С баррикады потихоньку сползали все новые и новые люди, и постепенно вокруг Гоша и Родионова собралась небольшая толпа. Парням явно хотелось как следует расспросить приезжего, но уж больно у него был удрученный вид.

— Уникальный случай, — сказал гордо Родионов. — Сижу, никого не трогаю, и вот на тебе — одноклассник...

— А ты ошибиться не мог? — вдруг спросил Гош.

— Чего?! — обиделся Родионов.

— Да нет, это я так... Я насчет имени.

— Георгий Дымов, — сказал Родионов с нажимом.

— Час от часу не легче... — буркнул Гош.

— У тебя прадед был болгарин, — объяснил Родионов. — По фамилии Димов. А здесь его в Дымова переделали. Ты сам рассказывал.

— Родионов, — печально сказал Гош. — А расстояние от Земли до Луны ты, случаем, не помнишь?

Родионов цыкнул зубом и поглядел на Гоша укоризненно.

— А начальную скорость пули у этой твоей... «СВД»? — не унимался Гош.

— Успокойся, — попросил Родионов очень мягко. — Я не помню совершенно ничего. Я дурак. Кретин. Полный идиот. Знаю, что у меня жена была, Ленка. Красивая. А все остальное — будто стерто.

— А про меня?.. — спросил Гош с надеждой в голосе.

— Не обольщайся, старик. Детские воспоминания мои все на месте. Но толку от них... Зато наш класс я знаю хорошо. Ты с Лехой Романовым за одной партой сидел. А я — сразу за вами.

— Кто такой Леха Романов?.. — пробормотал Гош себе под нос.

— В общем, ты — Георгий Дымов, — заключил Родионов. — Отчества не знаю, извини.

— Викторovich! — ляпнул Гош и сам от удивления застыл с открытым ртом.

— Процесс идет! — обрадованно заметил кто-то в толпе. — Видите, мужики, идет же!

— Это у него идет, — хмуро сообщили оптимисту. — А у меня, например, задом пятится.

Гош поднял глаза на собравшихся вокруг молодых людей.

— Мы вспомним, — сказал он негромко. — Мы обязательно вспомним все. Но знаете, коллеги по несчастью...

— Лучше бы нам и не вспоминать, — заключил все тот же хмурый голос из задних рядов.

— Боюсь, что так, — кивнул Гош.

* * *

У метро «Коньково» под ослепшим светофором прямо в центре перекрестка стоял огромный столб пыли. Даже смерч. Внутри его шла драка — кого-то там волтузили, трепали и рвали на куски. Гош сбросил газ, прижал машину к обочине и попытался разглядеть, что же впереди творится. При всей своей нелюбви к насилию, он даже слегка обрадовался. Это было первое реальное проявление жизни в полумертвом городе. Из сцепившихся на перекрестке особей никто явно не страдал амнезией и уж тем более по этому поводу не переживал. Там бурлила

яростная схватка в лучших традициях «постголокостной» литературы. Там убивали.

В центре пыльной бури здоровенная черная с белым псина, очень лохматая и явно породистая, колотила в одиночку целую стаю ободранных дворняг. Пока еще колотила. Зубами она пережевывала глотку самого крупного противника, а мощной расстрепанной задницей по-хоккейному бортовала тех, что поменьше. Из кучи-малы то и дело улетал вверх торماشками очередной зашибленный. От визга и хрипа закладывало уши. В воздухе парила разноцветная шерсть.

Гош осторожно подвел машину чуть ближе, опустил стекло и нашарил правой рукой свою пушку. Лохматая собака билась насмерть, но перевес был явно на другой стороне. Разнокалиберных противников Гош насчитал сначала шесть, потом сбился. Наседала стая по-дворовому крепко и въедливо. Окажись на месте лохматой какой-нибудь метрового роста профессионалкавказец из питомника «Красная Звезда», и то ему пришлось бы туго. Хотя он не допустил бы драки. Запугал бы дворняжек до нервного поноса и упадания на спину, перекусил бы для острастки пополам самого мелкого и назойливого, да и прошел бы сквозь эту стаю, будто ее и не было... Гош прищурился, но не чтобы целиться, а вслед своим мыслям, отслеживая важную информацию. «И о собаках я знаю, кажется, больше, чем положено рядовому гражданину... Черт побери, откуда? А ведь люблю я собаку. Опять-таки — кажется». Он высунул ствол из окна, упер приклад в сиденье и выстрелил.

Драку разметало во все стороны, на непрошеного гостя установились обалделые морды. Не среагировала только лохматая зверюга. Наоборот, она поймала момент. Подмяла жертву под себя, навалилась всем весом, и в зубах у нее смачно захрустело.

Гош выпрыгнул из машины.

— Убью! — крикнул он, наводя оружие на ближайшую дворнягу, окровавленного и взмыленного отпрыска нескольких овчарок и как минимум одного спаниеля. Пес с визгом бросился наутек. Гош выстрелил поперх голов. Картечь с адским грохотом проломила стену придорожного магазинчика и вынесла ее напроць. Собаки дружно взвыли и растворились в пространстве, только когти шваркнули по асфальту.

— Фу! — рявкнул Гош. — Фу! Фу, я сказал!

Победительница выплюнула изжеванного врага и облизнула с носа кровь. Псину откровенно трясло, лапы у нее подгибались.

Помощь явилась в самый подходящий момент — еще минута, и красotka лежала бы распоротым брюхом кверху, и уже другие носы были бы в крови. Жадное чавканье, растаскивание лакомых кусочков по кустам... Что им, крыс не хватает? Гош пожился.

— Молодец, умница, — похвалил он.

Лохматая хмуро глянула на него и разве что не кивнула.

Из шеи поверженной собаки густо хлестало красным. Она медленно отползала, даваясь и захлебываясь.

Гош положил ружье на капот и не спеша направился к лохматой псине.

— Тебя бы отмыть да расчесать... — сказал он ласково. — Цены бы тебе не было, прелесть ты моя.

Псина нервно слотнула и помотала головой, совсем по-человечески. Даже не присматриваясь, по одному только сложению и форме морды Гош определил, что это сука, лет четырех-пяти от роду, очень дорогой и глубоко несчастный зверь, остро нуждающийся в ласке, расчесывании и средстве от блох. Под растрепанными клочьями на шее виднелся тонкий кожаный ошейник. Как это холеное выставочное животное адаптировалось к самостоятельной жизни на московских улицах, Гош не представлял. Но то, что собака уцелела, говорило в ее пользу.

А то, что она не боялась стрельбы и воспринимала человека как союзника, указывало на полный курс дрессировки, включая защитно-караульную службу, и отсутствие серьезных психических травм. Последнее Гоша не удивило — вряд ли на такую красивую собаку решил бы поохотиться даже самый отпетый кретин. Скорее он попытался бы ее приручить. Внутренне Гош потирал руки и пускал слюни. Судьба обворовала его по полной программе. Но она же и подбросила в утешение неплохой подарок. В том, что это именно судьба, он несколько не сомневался.

Собака оторвалась от созерцания умирающего врага и медленно повернула голову к человеку. Хвост ее все еще висел безвольно, но кажется, животное приходило в себя.

— Здорово, красавица, — сказал Гош. — Меня зовут... Вроде бы Георгий. А тебя?

Он протянул собаке руку тыльной стороной ладони вперед, сам удивляясь, как естественно у него это получилось. Собака обнюхала руку, душераздирающе зевнула и села. Ей было, судя по всему, нехорошо. Гош присел рядом на корточки и осторожно потрепал зверюгу по холке. Сантиметров в этой холке было

не меньше семидесяти, вполне прилично даже для кобеля. Гош откопал под шерстью ошейник и подтянул к себе металлическую пластинку с мелкой гравировкой. Нагнулся, чтобы прочесть, и тут его лизнули в щеку.

— Девочка моя, — пробормотал он расстроганно, мягко оглаживая собаку по спине. — Все теперь пойдет как надо, я тебе обещаю. Так... Белла. Значит, ты у нас Белла? Белла! Привет.

Услышав имя, собака вскочила, замахала хвостом и принялась рассматривать Гоша, будто спаситель повернулся к ней какой-то совершенно новой стороной.

— Белла, — повторил Гош, и тут на него с радостным воплем наскочили и принялись облизывать.

— Спокойно, детка, спокойно! — бормотал Гош, заслоняясь рукавом. — Это у тебя истерика. Это пройдет. Да все нормально! Да погоди ты, дура блохастая... Вот мы тебя вымоем, расчешем, подкормим слегка... Да, да, это я, твой папочка, я вернулся, теперь все будет о'кей...

От заставы послышался надвигающийся басовитый треск — словно оттуда неся на всех парах сильно охрипший «Запорожец». Белла тут же сползла со вновь обретенного хозяина и воинственно гавкнула на звук. Гош оглянулся. По дороге летел ярко-красный «Бокстер».

— Молодцы... — одобрительно хмыкнул Гош, поднимаясь на ноги.

Вместо того чтобы тормозить, как все нормальные люди, водитель для начала поставил свой аппарат боком и, отчаянно дымя резиной, выписал на асфальте замысловатый крендель. Белла гавкнула снова.

— Ну, ты чего?! — крикнул Родионов, осаживая машину в двух шагах от попятившегося на всякий случай Гоша.

— Да вот... Собачку из беды выручил.

— А-а... — Родионов бросил на Беллу пренебрежительный взгляд. — Эта собачка кого хочешь сама выручит. Знаю я ее. Она тут весь район терроризирует.

— Что значит — терроризирует?

— Да жрет всех напропалую.

— Кого это — всех?

— Ну... Кроме людей. Странно, а чего это она одна? Их две таких было. Вторая с ней ходила такая же, правда больше раза в полтора.

— Такой же расцветки? — уточнил Гош, присаживаясь ря-

дом с Беллой и запуская руку ей под брюхо. Белла сумрачно разглядывала Родионова.

— Один в один. А ты чего там нашарить пытаешься? Вымя?

— Идиот... — прорычал Гош. — Ну вот, сбил меня...

— Да в чем дело-то?

— Да не знаю я!

— А-а... — протянул Родионов понимающе. — Извини, пожалуйста. Со мной тоже бывает. Делаешь что-то на автомате из прошлой жизни, и тут как ляпнут под руку — все, ушло. Зачем делал, чего хотел — совершенно непонятно. Правда, извини. Я не нарочно. А ты, значит, в собаках понимаешь. Очень ты, старик, профессионально ее трогал. Да и вообще, она ведь людей-то к себе не того... Мы ее прикормить сколько раз пробовали — ни в какую. Самостоятельная псина. И этот, здоровый, он вроде как при ней был. Слушался.

— Когда ты его видел в последний раз?

— Неделю где-то. Или две, не помню.

— Бедная ты моя девочка... — пробормотал Гош.

— Себе возьмешь? — спросил Родионов с нескрываемой завистью. — А что тут вообще было?

— Дралась она. Против десятерых в одиночку. Я едва успел. Конечно, попробую уговорить пойти со мной.

— Счастливый, — вздохнул Родионов. — Ладно, я парням скажу, они рады будут. Мы все за нее очень переживали. Непростая ведь псина. Что за порода-то?

— Помнишь рекламу «Педигри»? Самую первую?

Несколько секунд Родионов сосредоточенно глядел куда-то в приборную доску.

— Пора мне, — сказал он вдруг. — А то они волнуются.

— Спасибо, что приехал, — кивнул Гош. — Всегда так?

— Считаю, что всегда, — уклончиво ответил Родионов.

— Я хотел спросить... Чуть не забыл. На вашей заставе учет какой-нибудь ведется?

— Кого? — хмуро спросил Родионов, думая о своем.

— Прибывших.

— Ага. С сегодняшнего дня прямо и начнем.

Гош отпустил загривок Беллы, подошел вплотную к приземистому красному родстеру и сел на корточки рядом с открытым настежь окном, в котором угрюмо насупился Родионов.

— В чем дело, старина? — спросил Гош негромко. — Я какую-то глупость сморозил?

— Так что за порода? — поинтересовался Родионов, не поворачивая головы.

— Бернская овчарка.

Родионов уныло кивнул.

— Ничего я не помню, Гош, — сказал он горько. — Ни-че-го-шень-ки. Я ж тебе сказал — полный идиот. Вот зачем у меня кольцо на пальце — это помню. А где она может быть сейчас...

— А я не знаю, где мое кольцо, Рэдди.

— У тебя что, тоже?.. — встрепенулся Родионов.

— Я безумно гордился этим кольцом, — сказал Гош очень тихо. — Куда я его дел? Его могли снять с меня только с мертвого, понимаешь? Я не променял бы его даже на жизнь.

— Ну что за глупости, старик... Кольцо — это символ, да... Но не до такой же степени.

— До такой. Вот именно до такой. Рэдди, я проснулся тридцать пять дней назад. И каждый день я плачу, как ребенок, у которого пропала мама. А на прошлой неделе вспомнил, что у меня была жена, самая прекрасная женщина на свете. И поехал сюда. И теперь уже не знаю — может, не плакать больше? Может, сразу застрелиться?

— Перестань, Гошка. Все плачут. Все хотят с собой покончить. Каждый. Каж-ж-дый. У нас вся застава по утрам ходит с красными мордами и друг на друга не смотрит. А мы-то проснулись кто в начале лета, а кто и весной... Некоторые помнят, что у них дети были... Ты, главное, ищи. Ты плачь и ищи. Мы все ищем. Каждый как может, так и ищет. Иначе нельзя. Иначе ведь никакого выхода, да?

Белла ткнулась мокрым носом в дрожащую щеку Гоша и вздохнула.

— А у нее вот мужика убили, наверное, прямо на глазах, — предположил Родионов.

— Она собака, — помотал головой Гош. — Она умеет забывать.

— Мы тоже.

— Не так быстро. И потом, я не хочу забывать, понимаешь? Я фамилию свою забыл, я не помню, чем занимался, где жил — тоже не помню. Но любовь... Я не забуду. Ты не забудешь. Нам ведь тогда жить будет незачем, Рэдди. Окончательно незачем.

— Вот поэтому и нужно искать, — сказал Родионов твердо. — Знаешь, Гош, мне действительно пора. То есть я уже на

подходе доложил, что все нормально, когда тебя увидел, но тем более мне нужно обратно.

Гош потер ладонью глаза.

— Еще раз спасибо, что приехал. Но ты мне не сказал. Насчет учета новичков. Вы их считаете, или как?..

— Ты первый, кого мы пропустили. Единственный проснувшийся, который пришел с нашей стороны. И по-моему, двадцать пятый, кто вообще пришел. Или двадцать шестой.

— Ясно, — вздохнул Гош. — Эта антенна у тебя — это рация?

— Да. Тебе дадут. В Кремле дадут. Поезжай в Кремль прямо сейчас, там все тебе расскажут, что захочешь, и все дадут. У нас каждый человек на вес золота, ты же понимаешь. Даже такие, как я.

— Какие? — усмехнулся Гош.

— А такие, что в ноль, — не очень ясно, но вполне понятно высказался Родионов. — Зомби.

Гош закусил губу, чтобы сдержать улыбку. Уж на кого Родионов не походил, так это на зомби. Эмоции из него перли во все стороны.

— Ты небось заставу строил? — поинтересовался Гош, надеясь если не польстить однокласснику, то хотя бы переменить тему.

— Не-а. Понятия не имею, кто ее строил. Она была уже. И техника стояла. Откуда взялась... Тоже загадка, Гош. Все подъезды к городу закупорены. Даже наверху, на Кольцевой, все проемы в отбойнике завалены. Как будто здесь кто-то оборону держал. И не пехоту ждал, а танки. Короче, армию.

— Ты, я надеюсь, армию не ждешь? — осторожно спросил Гош.

— Почему? Вдруг припрется.

— Военные мертвы, Рэдди. Все. Поверь хотя бы на слово. Я видел. Я проехал несколько городов и везде первым делом сошел в воинские части. Кругом истлевшие трупы в погонах. И знаешь, Рэдди... Очень истлевшие. Чересчур. А оружейные комнаты вскрыты, причем грубо. И разграблены. Как ты думаешь, сколько мы проболтались без понятия о себе? И чем мы занимались в это время?

— Я не пытался считать, — вздохнул Родионов. — Но с такой информацией тебе, честное слово, обязательно нужно в Кремль. Тебя ждут давно.

— Не понял? — удивился Гош.

— Не знаю, чем занимался я, пока спал. Но чем занимался ты, я в курсе.

— Совсем не понял... — упавшим голосом повторил Гош.

— Ты несколько раз появлялся у нашего поста. Два, три месяца назад. Стрелял по нам из этой своей штуковины, требовал, чтобы пропустили, и крыл матом всех московских и Бориса в отдельности. Мы уже совсем было собрались тебя пристрелить, но Борис запретил. Сказал, что нужно ждать, что ты обязательно проснешься, и тогда уж выяснится, откуда ты его знаешь, и почему так не любишь москвичей.

Гош ошарашенно молчал. Ему хотелось извиниться — но за что? Никогда он сюда не приезжал, ничего не просил, и никакого Бориса ведать не ведал.

— А этот... Борис, — пробормотал он наконец. — Борис меня помнит?

— Не знаю. Похоже, нет. Так что тебе прямая дорога в Кремль. Там наш Комитет, а Борис его председатель. Вот и встретитесь...

Гош помотал головой, стряхивая оцепенение.

— Хорошо. Я буду в Кремле завтра, — сказал он. — Слушай, а если крысы, или собаки те же, или еще что-нибудь?

— Ну?

— Ну, я стрельну, а вы опять на уши встанете.

— Мы не услышим. Ты отъедешь еще на пару километров, и мы просто не услышим. Да, кстати! Точнее, между прочим — так, кажется, надо говорить?

— Смотря о чем.

— О бензине. Водопой с одиннадцати до шести у храма Христа Спасителя. Помнишь, там была такая ведомственная колонка напротив? Когда еще вместо храма был бассейн? Это если хочешь, чтобы тебе культурно налили. А если готов руками вычерпывать, тогда возьми карту... — Родионов сунул руку в бардачок.

— Не нужно. Сам найду.

— Помнишь, гад? — оскалился Родионов. — Все помнишь, да? Ух, зараза!

— Полчаса назад я не знал своей фамилии, — напомнил Гош.

— Да зачем тебе фамилия, друг ты мой ситный? Да я бы сейчас не фамилию, а имя променял бы на то, чтобы помнить какую-то там рекламу столетней давности!

— А откуда бензин? — перебил его Гош.

— То есть — откуда? От верблюда. Из колонок. Там же хранилища.

— А в колонках откуда?

— В прошлой жизни налили.

— А комбинат?

— Какой?

— Нефтепре... пере... Ну, ты понял.

— Понял, но я не знаю. А зачем нам комбинат? В городе от силы триста машин. Мы даже бэтээры, и те с колонок соляжкой заправляем. У нас топлива — хоть ты в нем утопись.

— Топливо не вечное, Рэдди, — объяснил Гош.

— Выдыхается?! — прошептал Родионов с неподдельным ужасом в голосе.

— Вроде того. Разлагается. Падает октановое число.

Родионов повернул ключ зажигания, двигатель басовито за-
тарахтел.

— Детонирует, — заметил Гош. — Отчетливо слышу, как детонирует.

— От тебя одно расстройство, мужик, — сказал Родионов, нажал на газ и, развернув машину почти на месте, умчался к заставе.

Гош встал, посмотрел на Беллу и невольно приоткрыл рот. Снизу вверх собака испытующе разглядывала свое новое приобретение.

— Хоть тебе-то я еще не испортил настроение? — спросил Гош. — Ну, и на том спасибо. И что у них здесь творится? Храм вместо бассейна... Зачем? Когда успели?..

* * *

Собака прыгнула на заднее сиденье уверенно и без раздумий. Гош восхищенно цыкнул зубом. С каждой минутой чернобелая красotka с рыжими подпалинами нравилась ему все больше и больше.

«Хаммер» объехал стеклянный павильон метро, небрежно повалил ограждение газона, потом еще одно, и оказался среди торговых палаток, выстроившихся вдоль узкой асфальтовой дорожки. Справа, в низине, Гош увидел знакомый универмаг и задумчиво сморщился. Он не жил в этих краях, но что-то его с ними связывало. Бывал он здесь не раз. И отоваривался в местных торговых точках неоднократно.

Нужная ему палатка стояла именно на том месте, где и

должна была. Стрелять попусту Гош не хотел, и просто вышиб запертую дверь углом бампера.

— Сиди пока, — небрежно бросил он собаке, выбираясь наружу.

Внутри палатки оказалось по колено сухого корма вперемжку с крысиными экскрементами. Все коробки и пластиковые мешки были распороты и изжеваны. Самих крыс не было видно — то ли они предпочитали ночной образ жизни, то ли их спугнул шум на перекрестке.

Консервные банки оказались целы. Гош перетащил в багажник несколько ящиков из подсобки (Белла принялась, и глаза ее вспыхнули голодным огнем), взял набор гребней, большую пластмассовую миску, несколько баллонов собачьего шампуня и антиблошинных средств. Выбрал ошейник и поводок сообразно внушительным размерам и физической мощи Беллы. Увидел, что карабин на поводке слишком прочный. Нашел другой, тоже массивный, но помягче, который собака в случае чего смогла бы разогнуть, дернув изо всех сил. Задумался: а почему это важно? Внутренне пожал плечами и махнул рукой. Самой верной тактикой сейчас было не перечить тому, что говорило подсознание, а, наоборот, подсматривать за собой и у себя же учиться. Заново учиться жить.

— Сначала мыться, — сказал он Белле, тоскливо уставившейся на ящик с собачьими консервами. — А то заснешь еще от удовольствия, буди тебя потом...

Следующей остановкой был универмаг. Здесь тоже не нашлось следов человеческого присутствия, только следы крысиных зубов. У крыс сейчас был трудный период — кардинально изменились условия обитания. Вымерший город вовсе не рай для зверя, питание которого завязано на отходы жизнедеятельности людей. Исчезли привычные места прикорма, негде согреться зимой. Недаром птиц на улице не видно. Городская птица с трудом обходится без вкусной помойки и теплого чердака.

Гош с наслаждением выкинул из машины ящик тульской водки и водрузил на его место упаковку «Смирновской». Разжился вкусными консервами, тщательно обследуя каждую банку на предмет вздутия. С тоской прошелся по отделу электротехники. Покопался в коробке с батарейками, зарядил ими первый попавшийся магнитофон и включил. Застоявшийся музыкальный ящик радостно взвыл. Гош присмотрелся к сроку годности на упаковке от батареек. «Май девяносто девятого. Интересно,

какой нынче год на дворе. Месяц-то июль, если часы не врут. А вот летоисчисление тью-тью. Мне, наверное, уже за тридцать».

Предаваясь этим невеселым мыслям, Гош взял с полки утюг, раскокал им стекло аптечного киоска и набрал охапку таблеток от всего, чем опасался в ближайшее время заболеть. В крайнем случае, лекарствами можно было и отравиться. Панадола набралось как раз столько, чтобы угробить печень. Сутки — и готов. Откуда Гош знал об этом, он понятия не имел. Временами его пугало то, как хорошо он разбирается в импортных товарах, коих вокруг лежало выше крыши. Гораздо труднее было найти что-нибудь родное, советское, да и на том стояла надпись «Сделано в России». А на улицах повсюду красовались иностранные рекламные щиты. Похоже, за последние лет десять-пятнадцать родина Октября совершила грандиозный скачок в загадочном направлении. То ли интегрировалась в мировое сообщество, то ли подмяла его под себя. Но в любом случае, как бы ни называлась эта страна, больше ее не существовало.

Магнитофон сладким женским голосом звал по-английски на помощь доктора Дика. Гош прислушался к тексту и чуть не расхохотался. Чудесная песня. Завести бы ее на какой-нибудь комсомольско-молодежной дискотеке году этак в восемьдесят пятом... И никому, совсем никому не объяснить, что «дик» на американском сленге — член. «Черт побери, какая досада — совершенно не помнить времени, когда прилавки ломились от барахла и звучали такие лихие песенки... Но я ведь жил тогда! Нет, я обязан, просто обязан вернуть себе память. Только вот как?..»

Громкость вдруг ошутимо упала. Батарейки испускали дух. Гош печально кивнул своим мыслям. Разумеется, девяносто девятым на дворе и не пахло. Скорее всего, давно пора было отметить приход нового тысячелетия. А заодно и свой «тридцатник». Может, год назад, а может, и два. «Все равно не застрелюсь. Не дождетесь».

В машину Гош вернулся со щемящей болью в сердце. Он миновал еще один этап на пути к родительскому дому. Можно было, конечно, оттянуть момент возвращения в юность, например, завернуть в «Охотник» и позаимствовать там нарезной карабин с оптикой — при условии, что никто раньше не подсуетился. Но какой смысл? Воевать сейчас не с кем и незачем. Воевать?

...Внутренности тягача наполнил оглушительный звенящий рокот — это по броне ударили пули...

Гош крепко зажмурился и до хруста в пальцах вцепился в руль. Он старался поймать воспоминание за хвост, но оно уже проскочило мимо. Несколько минут Гош пытался сообразить, что за ассоциации навели его на эту картинку из прошлой жизни: полумрак, какие-то механизмы, все вокруг жесткое и металлическое, и этот оглушительный звон, будто колотят молотком по кастрюле, надетой тебе на голову... Гош даже вышел из машины и сел в нее снова, пробуя воспроизвести ситуацию. Белла озадаченно следила за его священнодействием — иначе и назвать было нельзя то, что сейчас делал человек.

Воспоминание не вернулось. Гош сунул в зубы сигарету и вздохнул. Неподалеку отсюда его, возможно, поджидал целый ворох информации о прошлом. Но одно дело читать документы и рассматривать фотографии, а совсем другое — когда начинает работать твоя память, собственная, настоящая.

А главное, внезапное видение наверняка относилось к периоду «сна», когда Гош неизвестно чем занимался и неизвестно где разгуливал. Этот запах пороховой гари внутри машины и звонкий грохот пуль по обшивке... Гош был совершенно уверен, что в его прошлой жизни никаких боевых эпизодов не случилось. Просто знал это, и все тут. А вот что он делал «во сне»?

И чего ради он ломился в Москву, помяная недобрыми словами некоего Бориса, который тут главный?

Это, конечно, сильно: в одиночку с дробовиком против целого блокпоста.

Но как-то чересчур.

— Ладно, — снова вздохнул Гош, поворачиваясь к собаке. — Поехали тебя приводить в порядок. Да?

Собака покосилась на ящик с консервами и плотоядно облизнулась.

Гош провел «Хаммер» напролом сквозь жилые кварталы, распахивая бампером малолитражки и переворачивая мусорные баки. Настроение у него после давешнего приступа хорошей памяти установилось гаже некуда. Но вскоре, миновав широкий проспект, машина должна была углубиться в лес. Гош очень хотел почувствовать себя лучше. А в лесу, стоит лишь привлечь немного воображения, можно запросто убедить себя, что ничего особенного и не произошло.

Если, конечно, не обращать внимания на вопиющее безлюдье вокруг.

И если...

Гош нажал на тормоз. Машина выбралась из дворов, впереди был тот самый проспект, за ним раньше начинался лес.

Леса не было. На верный километр вперед простиралось грандиозное пепелище, слегка поросшее молодой травкой.

— Черт возьми! — пробормотал Гош. — Это кто здесь так погулял? Годзилла со Змеем Горынычем?.. Бр-р-р... Эй, животное, ты что-нибудь понимаешь?

Животное сунулось носом ему в ухо, как будто на самом деле хотело что-то объяснить. Гош протянул руку и благодарно потрепал собаку по холке.

— Угробили мой город, — сообщил он Белле. — Стоило ненадолго отлучиться — и вот, на тебе. Ладно, зверь, поедем все-таки. Очень хочется умыться. Надеюсь, пруды не испарились, как ты думаешь, а?

Машина тронулась с места.

— Знаешь, подруга, а ведь я об этом мечтал когда-то, — сообщил Гош собаке, небрежно подправляя двумя пальцами легкий руль. — Когда совсем молодой был. Чтобы куда-нибудь всех к едрене-матери унесло. Просыпаешься однажды, а никого вокруг нет! Тишина, пустота, чистый, стерильный, яркий, залитый солнцем мир. И вот — пожалуйста... Огреб на свою голову.

Белла нервно зевнула.

— А потом я Ольку встретил, — продолжал рассказывать Гош. — И вдруг оказалось, что жизнь и без того сияет яркими красками. А все, что меня в ней раздражало — люди в основном — не имеет значения. И я просто был маленький, глупый и чертовски одинокий. Вот... И стало хорошо. А потом — ха-ха — сбылась мечта.

«Хаммер» выехал на центральную аллею бывшего лесопарка и резко покати́л по асфальту, перемалывая колесами головешки.

— И вот мы с тобой здесь, — резюмировал Гош. — Спрашивается, все эти несчастья для чего стряслись — чтобы я в конце концов завел собаку?!

Он свернул направо и таранным ударом прошиб то, что раньше было густыми зарослями боярышника, а теперь превратилось в сюрреалистическое черное месиво. Белла на заднем сиденье едва пошатнулась. Она явно в прошлой жизни много ездила на машинах.

— А вот с другой стороны, — не унимался Гош. — Допустим, что у меня и так была собака. Наверняка была. Тогда зачем это все вообще? Чтобы я потерял жену, имя, профессию и обручаль-

ное кольцо?! Сомневаюсь. Чтобы я принимал участие в боевых действиях? Слушай, Белла, ведь в меня стреляли! Точнее, я сидел внутри здоровой железной штуковины, а стреляли по ней. И зачем все это было? Какой в этом высший смысл? А? Молчишь? Вот то-то. Ладно, выходи, приехали.

«Хаммер» стоял на берегу небольшого пруда. Гош выпрыгнул из машины и выпустил Беллу. За бортом оказалось жарко — Гош снял куртку и небрежно швырнул ее на сиденье. Подошел к воде, присел, опустил в пруд руку.

— Нормально, — сказал он, выпрямляясь и стягивая через голову футболку. Справа из-за пояса высунулась черная рукоятка. — Верных двадцать градусов. Подойдет нам с тобой, подруга, а?

Белла зашла в воду по брюхо и принялась ее лакать.

Гош бросил футболку под ноги. Достал из-за пояса небольшой и очень красивый пистолет и уронил его в траву, туда, где она была повыше. Не спеша выбрался из сапог и джинсов. Снял трусы, скомкал их в кулаке и чуть было не швырнул в воду отмокать, но вспомнил, что у Беллы может быть хороший навык апортировки, а белье нужно беречь.

Собака зашла в воду чуть глубже и теперь, стоя в ней по плечи, шумно отряхивалась, вздымая тучи брызг. Гош усмехнулся — эта манера купания была ему хорошо знакома. Так же... «И что так же? Кто еще так же стоял на мелководье и отряхивался, поднимая радугу? И что это был за пес? Мой пес? А где он теперь? Тьфу!»

Вода оказалась действительно не слишком холодной. Гош обработал собаку шампунем, от чего та превратилась в уморительную четвероногую снежную бабу, и погнал на глубину, чтобы смыть белые хлопья. Плавала Белла очень хорошо, но довольно-таки неохотно. Сама процедура мытья была ей явно в кайф, а вот изображать ньюфаундленда Белла не собиралась. Гош тщательно промыл ее шерсть и осмотрел те места, откуда дворняги нарвали клочьев. Не нашел серьезных дырок, только пару ерундовых царапин, обрадовался и повел собаку на берег. Вывалил в миску порцию консервов. Белла от возбуждения пустила слюну, вся подалась вперед, но без команды есть не стала. Гош усмехнулся, подставил под миску ящик, чтобы собаке было удобнее, и махнул рукой — давай. Псина так бросилась к миске, будто на ее дне лежал ответ на все вопросы бытия. Минуту Гош с

удовольствием наблюдал за собачьей трапезой, а потом отметил, что скоро уже вечер, и пора заняться собой.

Стирка и мытье не заняли много времени. А вот бриться Гош долго не решался, критически разглядывая себя в зеркалах «Хаммера». Из машины доносилось утробное рыгание и дробное пукание — так организм Беллы реагировал во сне на собственную жадность.

— И все-таки! — провозгласил Гош, добыл из рюкзака бритвенный прибор, зачерпнул воды в кружку, пристроился к зеркалу и, страдальчески кривя лицо, принялся мазать его мыльной пеной.

— Никогда я это дело не любил, — сообщил он.

Собака в ответ всхрапнула.

* * *

Вечером того же дня Гош лежал на диване в комнате, где ночевал без малого двадцать лет, и смотрел в потолок. На письменном столе оплывала свеча.

Здесь он жил с родителями, а потом они жили уже без него. Здесь оказалось вдоволь фотографий и бумаг, но ни одна из них не отвечала на самый главный вопрос.

Его действительно звали Георгий Дымов. Как и все нормальные дети, он окончил среднюю школу. Судя по завалывшимся на шкафу конспектам, поступил в какой-то гуманитарный вуз. И похоже, очень рано ушел из этого дома. Может быть, иногда возвращался и наверняка вскоре снова уходил. В столе лежал альбомчик, где несколько страниц занимали фотографии смутно знакомых девушек. А на секретере в спальне родителей стояло фото, на котором был он сам и еще одна женщина, знакомая отнюдь не смутно. Его жена.

Гош чуть не взвыл, когда увидел эту фотографию. Выдрал ее из рамки и спрятал в отцовский бумажник, который здесь же подобрал.

Ушел в свою комнату, повалился на диван и постарался успокоиться. Надо же, какая неудача! Покидая этот дом всерьез и надолго, он забрал с собой все документы и сколько-нибудь памятные вещи. Ничто здесь не могло ему подсказать, где он жил последние годы перед обрушившейся на человечество бедой. Он ведь ехал в Москву именно за этими воспоминаниями. Жену найти понадеялся. А на поверку вышло, что с таким же успехом

он мог бы искать ее в каком-нибудь Сыктывкаре. Разумеется, если она вообще жива.

Гош скрипнул зубами. Белла приподнялась на передних лапах и внимательно посмотрела на человека. Решила, что он в порядке, и снова легла посреди комнаты.

Гош почувствовал, что на него давит эта обстановка — полки с любимыми книгами детства, старый добрый стол, зеленые шторы... Он взял свечу, ушел на кухню, встал у окна и закурил. «Что же дальше? Придется, наверное, ехать в Кремль. Там у москвичей штаб — может, этот загадочный Борис расскажет нечто полезное. У москвичей? Интересная мысль: а я кто? Нет, что-то недоброе произошло со мной за время «сна». Недаром я очнулся не здесь. Интересно, сколько времени продолжался этот проклятый «сон»? Минимум год. А если честно? Больше? Судя по состоянию техники, батареек и аккумуляторов — гораздо больше. И топливо портится на глазах. Годы прошли, годы... Гошка, признайся хотя бы себе — у тебя никаких шансов. Ты ее не найдешь. А может... Ведь я же вернулся. И она вернется, обязательно. Если только цела».

А уцелеть в новом мире, судя по всему, было непросто. Человека, которого не скосила загадочная пандемия, убившая каждого в возрасте примерно до двадцати и после сорока, вполне могли угробить другие выжившие. Гош до сих пор вспоминал момент «пробуждения» с легким ознобом. Он впервые осознал себя в дичайшей ситуации. Именно в этой одежде, на подножке того самого «Хаммера», с тем самым ружьем поперек колен. А неподалеку валялись двое с разможенными головами. И две огромных гильзы под ногами. И легкий дождичек...

Он чуть с ума тогда не сошел.

Первая мысль была: «Хорош кошмар!» Потом оказалось, что вода с неба льется настоящая, а тело буквально деревянное. С превеликим трудом он разогнулся, охая и кряхтя прошелся вокруг машины, пытаясь узнать места. Стараясь убедить себя, что спит, подошел к трупам и увидел: им минимум суток трое. Помотал головой, отгоняя наваждение, забрался в машину и снова уснул. Радостно уснул, надеясь, что утром все образуется. Но вскоре проснулся от сильнейшего приступа голода. Опять в той же машине. Высунулся наружу и почувствовал, что перед глазами все плывет. Он был незнамо где, непонятно зачем... И НЕПОНЯТНО КТО!!!

Несколько часов он провалился в совершенной прострации.

Трудно было привыкнуть к мысли, что все это — на самом деле. Потом он догадался убедить себя, что раз уж такая беда, пора на разведку. «Не думай. Просто смотри». И с такой вот позитивной установкой начал жить. Наверное, только это и спасло его от сумасшествия. Испугался-то он почти до истерики. Руки тряслись, ноги подгибались. Даже трупы его не так беспокоили, как отсутствие памяти. Если он сам и застрелил двоих, это был какой-то другой он, прежний. А нынешнему ему позарез надо разобраться, что к чему. Он повернул ключ в замке, и машина завелась. И поехала.

В машине он нашел запас пищи, одежду, патроны и охалку умело склеенных армейских карт. Судя по картам, он успел изрядно покататься вокруг Москвы, побывать в Твери и Туле. Когда? Зачем? Нынешний город назывался Обнинск, но его карты в бардачке как раз не было. Гош поколесил по улицам, отмечая, что они совершенно мертвы. Зашел на пробу в несколько домов, везде натываясь на истлевшие тела. И как-то тупо, на автопилоте, взял тульскую карту, нашел отмеченный знакомой (своей?) рукой квартал и решил — туда.

Позже он сообразил, что бессознательно воспринимал происходящее как непривычно яркий кошмар. И просто старался вести себя рационально, не визжать и не метаться, чтобы сон не стал еще страшнее. Принял условия игры. А когда настало время смириться с реальностью, он уже вжился в нее. Поэтому новый мир и не сломал его психику. Согнул ее основательно, но не сломал.

В Туле Гош впервые увидел живых людей, таких же ошарашенных и растерянных. Там его впервые обозвали Хаммером, просто чтобы было имя. Потом он нашел дом — уютный коттедж в пригороде, где когда-то прожил несколько месяцев, если не больше (зачем?). Здесь все было свое, устроенное им (когда?), а в кабинете лежали толстые подшивки газет. Видимо, он пытался восстановить картину того, что было ДО. Лучше бы догадался взять карандаш и хоть где-нибудь написать свою фамилию... Да еще черкнуть пару строк о том, каким ветром его занесло в Тулу и почему он тут застрял. Но все равно обстановка в доме помогла. Гош начал вспоминать. Так интенсивно, что просто до боли. И очень скоро эта боль погнала его в Москву.

Он яростно хотел узнать: если не свое имя, то хотя бы каким образом его утратил. Если не найти жену, то хотя бы вычислить того, кому оторвать голову за ее потерю. Сплошные «если».

Пока что он нашел только чужую собаку и убитого горем одноклассника.

Но для первого дня поисков этого было даже много.

За окном окончательно стемнело. Гош прошел в большую комнату и огляделся. Зачем-то открыл шкафчик под телевизором. Там навалом лежали видеокассеты. Гош пристроил свечку поудобнее и стал перебирать цветастые коробочки, стараясь не думать, почему его совсем не удивляет то, как небрежно он обращается с заморскими диковинами.

Никакие это были не диковины. Стоило потрогать вещь руками, и простейшие тактильные ощущения будили в душе столько всего... Похоже, Гош в прошлой жизни был из тех, кто взаимодействует с миром в основном на ощупь. В памяти тут же всплыла соответствующая градация. Люди разные, и как бы хорошо ни работали у человека все органы чувств, на самом деле один — визуалист, другой больше слушает, а третий даже на расстоянии воспринимает в первую очередь фактуру поверхности. Гош положил руку на круглый джойстик видеомагнитофона и слегка усмехнулся. «Помню. Только зачем это мне?» Он вернулся к кассетам и улыбнулся вновь.

Отец тоже любил вестерны. Или, скорее, заразил этим сына. Подборка была правильная: классический «Дилижанс», полный комплект фильмов Серджио Леоне, «Буч и Санденс», «Непрощенный», «Тумстоун», первые и вторые «Молодые стрелки»... А вот это на любителя — «Пэт Гаррет и Билли Кид». В свое время кто-то вывел кодекс чести ковбоя. На основе вестернов, разумеется. Мол, ковбой не бьет женщину, не стреляет в спину, не поднимает ствол на безоружного и прочая галиматья. А Сэм Пекинпа, большой охотник замахнуть на святое, отснял вот этот провокационный фильм. Воссоздал, так сказать, реальную обстановку. Ведь действительно, по официальной версии шериф Гаррет, как последний негодяй, пристрелил своего бывшего подельника и лучшего друга Билли, когда тот без сапог и револьвера топал к кладовке положить чего-нибудь на зуб.

Гош усмехнулся, бросив взгляд на «казаки», аккуратно стоящие в прихожей. Дверь выломал, а обувь-таки снял. «Вот почему я так интересно одет. Замороженное Голливудом бессознательное расстаралось. Интересно, а стрелять в людей я тоже из вестернов научился? Вряд ли. Мы сейчас все будто на фронтире. Ни одного безоружного. Хотя никто вроде бы не проявляет агрес-

сию. Но какой-то атавистический страх подсказывает: в трудное время держи пушку ближе к телу».

...Он лежал на столе, руки что-то сдавило за спиной, наверное, они были связаны. Над ним склонились незнакомые лица...

Гош дернулся, будто его ударило током. «Опять! Господи, когда же это было, и неужели именно со мной?» Воспоминание мгновенно растворилось, но чтобы успокоиться, пришлось выкурить несколько сигарет. Эта картинка была в чем-то еще страшнее, чем грохот пуль, бьющих в корму.

«Хватит!» — приказал себе Гош. Достал из шкафа старый плед, долго его вытряхивал, потом упал на диван и постарался заснуть. Думал он в это время о чем угодно — например, хвалил отца за то, что в окнах мощные стеклопакеты. Иначе пыли в квартире было бы по колено. А вот дверь не стальная, обычная: тоже повезло. Вспомнил, что отца давно нет, и мамы нет, машинально начал копать в прошлом...

— Семеныч!!! — воззвал на улице металлический трубный глас.

Гош подпрыгнул, Белла тоже.

Осторожно выглянув в окно, Гош увидел, как по проспекту медленно катится автомобиль, а из люка на крыше торчит кто-то с мегафоном и зовет Семеныча.

— Кошмар... — пробормотал Гош.

И впервые за долгое время заснул по-человечески, без слез в подушку.

* * *

Чумазого и веселого Бориса он нашел на берегу Москвы-реки, напротив Кремля. Председатель загадочного Комитета стоял в окружении таких же изгвазданных ребят в спецовках и радостно тарачился на Гоша, его собаку и «Хаммер».

— Здорово! — сказал Борис. — Извини, руки не подам, весь в солидоле. Пытаемся запустить эту машинерию, — он махнул рукой куда-то за спину, на неказистое здание вполне промышленного и весьма запущенного вида.

— Знаменитая кремлевская ГЭС-1? — догадался Гош. — А я думал, это просто легенда. Ну, здравствуй. Ты, значит, будешь местный князь?

Борис расхохотался. Его окружение, напротив, грозно насушилось.

Гош пригляделся к Борису и решил, что совершенно не пом-

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛОДЫЕ И СИЛЬНЫЕ ВЫЖИВУТ. <i>Роман</i>	5
Часть первая. ЭПИЛОГ. В ЗДРАВОМ УМЕ	7
Часть вторая. ГОДОМ РАНЬШЕ. В ПОИСКАХ СЕБЯ	43
Часть третья. ПРОЛОГ. В ТВЕРДОЙ ПАМЯТИ	311
ВЫБРАКОВКА. <i>Роман</i>	329
Необходимые пояснения.	331
От публикатора	333
Палачи и шерифы	336
ВЫБРАКОВКА	346
Глава 1	346
Глава 2	356
Глава 3	364
Глава 4	372
Глава 5	377
Глава 6	383
Глава 7	392
Глава 8	400
Глава 9	410
Глава 10	414
Глава 11	419
Глава 12	424
Глава 13	432
Глава 14	445

Глава 15	450
Глава 16	463
Глава 17	472
Глава 18	489
Глава 19	495
Глава 20	503
Глава 21	510
Глава 22	519
Глава 23	525
Глава 24	531
Глава 25	538
Глава 26	550
Глава 27	561
Глава 28	570
Комментарии	582
Цифры и факты	582
Историческая справка	583
Общественная жизнь	587
Меморандум Птицына	591
АСБ изнутри	592
Техника	595
Персоналии	597